

Глава 55. Два одиноких мужчины (Часть вторая)

С появлением Су Линцзюня решилась главная проблема — трёхразовое питание, и от уныния Лянь Уцзю не осталось и следа. Пусть кулинарные таланты брата Су не шли ни в какое сравнение с мастерством Да Данцзя, юноша уплетал стряпню за обе щеки и так рассыпался в похвалах, что тарелки пустели вмиг. Единственной ложкой дёгтя было то, что ужинать приходилось засветло, до наступления сумерек. А едва гасло солнце, оставалось лишь на ощупь пробираться к постели.

— Брат Су, у нас что, только одна кровать?

Лянь Уцзю только-только помог вымыть посуду, а темень уже стусилась до предела. Он тихо спросил это, всматриваясь в непроглядную черноту и осторожно, шаг за шагом продвигаясь к постели.

Су Линцзюнь поначалу молчал. Его донимали мысли о здешнем климате — перепад температур между днём и ночью оказался просто чудовищным. Снаружи яростно выл ледяной ветер, с силой бросаясь на стены палатки, отчего по коже невольно пробежал мороз.

— Брат Су? Ты здесь? — так и не нащупав ничего в темноте, с лёгкой тревогой позвал Лянь Уцзю.

— Да тут я, — Су Линцзюнь протянул руку, поймал шарящую в темноте ладонь Лянь Уцзю и без лишних церемоний усадил его рядом с собой на край постели. — Я же говорил тебе поторапливаться! Подумаешь, пару чашек вымыть, а возился полчаса!

Лянь Уцзю попытался высвободить пальцы, но безуспешно.

— Но ведь надо было ещё и котёл вычистить... — буркнул он.

Су Линцзюнь в темноте закатил глаза.

— Ты хоть руки-то сполоснул? Не смей ложиться прямо так, после грязной посуды. Разогнал тут сырость.

Лянь Уцзю не на шутку разозлился.

— Не хочешь, чтобы я спал здесь, так и скажи! Раз мои руки такие грязные, чего ты тогда в них вцепился?!

Он с силой вырвал ладонь, упрямо поднялся на ноги и направился к выходу из палатки.

— Ну надо же, слова ему не скажи! Это обычные правила гигиены! Куда ты собрался в такую темень? А ну вернись! На улице же окочуришься! — прикрикнул Су Линцзюнь.

Он ловко перехватил беглеца, без особого труда повалил его обратно на кровать, после чего быстро юркнул следом под одеяло и сжался в клубок.

— Ну и холодища... — стуча зубами от озноба, выдохнул Су Линцзюнь.

Раздеваться на ночь здесь никто и не думал — иначе окоченеешь в два счёта. Узкое ложе, едва рассчитанное на двоих, не оставляло места для манёвров, так что им оставалось только прижаться друг к другу, делясь скудным теплом.

Обида Лянь Уцзю мгновенно улетучилась, уступив место лёгкому уколу совести. Повинуясь какому-то необъяснимому порыву, он несмело обнял Су Линцзюня за талию и притянул к себе, укрывая в кольце рук. Расстояние между ними исчезло, и они прижались друг к другу совсем тесно.

В крошечной тьме невозможно было разглядеть лицо Лянь Уцзю, но Су Линцзюнь не сомневался: парень сейчас покраснел до кончиков ушей. И как же досадно, что этого нельзя увидеть! Любоваться смущением Лянь Уцзю он мог бесконечно.

Су Линцзюнь с глубоким удовлетворением затаился в этих объятиях. Раз уж упрямый травник впервые проявил такую инициативу, было бы верхом глупости оттолкнуть его. Он обнял юношу в ответ, утыкаясь носом в его макушку и мягко прижимая его голову к своему плечу. Тёплый аромат волос Лянь Уцзю и близость его разгорячённого тела будили в мыслях Су Линцзюня совсем не сонные желания. Это его слегка раздосадовало: сейчас для подобных порывов было явно неподходящее время.

Одолеваемый противоречивыми чувствами — томительным беспокойством и тихой радостью — Су Линцзюнь прикрыл глаза, надеясь вскоре провалиться в глубокий, спокойный сон.

— Брат Су, тебе всё ещё холодно? — донёсся из-под одеяла приглушённый шёпот.

Самому Лянь Уцзю было тепло, даже жарко — от Су Линцзюня пылало настоящим жаром. А ведь и правда отличное средство согреться.

Су Линцзюнь заботливо подоткнул ему одеяло и негромко, ласково рассмеялся:

— Уже нет. Тепло.

Лянь Уцзю с облегчением выдохнул и оживился:

— Здорово! Раньше, когда зимой по ночам становилось невоготу от стужи, я всегда прибегаю греться в постель к старшим братьям. У них внутренняя сила намного глубже моей, так что рядом с ними холода вообще не чувствовалось. Правда, у Первого старшего брата ужасные повадки во сне — он вечно пинался и сбрасывал меня на пол! Так что чаще всего я забираюсь ко Второму или Третьему.

Пока Лянь Уцзю увлечённо щебетал, вспоминая былое, романтический настрой Су Линцзюня улетучивался с каждым словом. Греться у других парней в постели?! Ещё и так радостно об этом рассказывать! Особый гнев вызывал этот таинственный Первый старший брат — к нему точно стоило присмотреться. В самый разгар воспоминаний Лянь Уцзю неожиданно охнул и полетел кубарем на пол.

Потирая ушибленный зад, Лянь Уцзю со стоном поднялся с земли. Он сердито свёл брови и, задыхаясь от обиды, уставился на замершего на кровати Су Линцзюня:

— Ну я же говорил, что ты просто не хочешь спать со мной в одной постели!

Оскорблённый в лучших чувствах, он наощупь пробрался к столу, бессильно опустился на стул и уставился в темноту, подперев голову руками.

Видя, что тот наотрез отказывается возвращаться в тепло, Су Линцзюнь закипел от досады. Ну надо же было брякнуть такую глупость и разрушить весь момент! С какой стати воспоминания о совместном сне с толпой мужиков вообще вызывают у него такой детский восторг?

— Ладно тебе, у меня тоже характер во сне не сахар. Потерпи немного, я постараюсь сдерживаться, — примирительно проворчал Су Линцзюнь, поднимаясь с кровати.

Он подошёл к столу, мягко, но настойчиво увлёк за собой упрямого травника обратно под одеяло. Но на этот раз Су Линцзюнь не собирался слушать его болтовню. Не дав юноше опомниться, он прижал его к матрасу и заставил замолчать долгим, властным поцелуем, после чего пригрозил:

— Если не перестанешь болтать перед сном, я тебе вообще спать не дам!

С этими словами он крепко притянул Лянь Уцзю к себе, заставив обвить руками свою талию, и наконец облегчённо вздохнул.

Лянь Уцзю уткнулся носом в чужую ключицу. Будучи зажатым в тиски чужих объятий, он едва мог дышать. Тепло, конечно, было невероятно, но... но...

Он сердито засопел под одеялом, сжав кулаки, и глухо запротестовал:

— С какой стати ты меня целуешь?! Да ты ещё и укусил меня! Не хочу я спать в обнимку,

отпусти сейчас же!

— А почему это мне нельзя? Если не мне, то кому ещё?! Да то, что тебе позволено меня обнимать — это невиданная щедрость! Радуйся, что я ещё не обвинил тебя в домогательствах. Я тебе, почитай, всю свою свободу отдал, а ты ещё и морщишься? Это великое счастье, тебе вообще молиться на меня надо! Пойми, я ведь тоже мужчина, и когда моя инициатива разбивается о твоё холодное упрямство, это ранит моё нежное сердце. А ты мало того что обидел меня, так ещё и смеешь отчитывать! Будь на моём месте девица, ты бы её без лишних слов замуж позвал. А раз я мужчина, значит, можно воротить нос? Да это же чистой воды предвзятость! Ты просто неблагодарный предатель!

— Да сам ты... сам ты предатель! — вскипел Лянь Уцзю.

— Ах так? Тогда ты у нас Пань Цзиньлянь! — парировал Су Линцзюнь.

— А ты тогда Симэнь Цин! — в тон ему отозвался Лянь Уцзю.

— Вот как? Выходит, ты меня безумно любишь? — коварно усмехнулся Су Линцзюнь.

Слушая, как от гнева и смущения зачастило дыхание его собеседника, Су Линцзюнь едва сдерживал хохот. Какая же наивная овечка попалась в его силки!

Лянь Уцзю растерялся от такого напора и сердито буркнул:

— Да пусть я буду хоть У Даланом, доволен?!

— Будь я Пань Цзиньлянь, я бы с таким У Даланом всю жизнь прожил, — тихо и проникновенно шепнул Су Линцзюнь.

— Ты... ты в жизни ею не станешь...

— Так и ты на У Далана совсем не похож.

Лянь Уцзю не нашёл что ответить.

Су Линцзюнь мягко повернул его лицо к себе, заставляя смотреть на него в упор:

— Ну почему после поцелуя ты всё ещё сомневаешься во мне? Посуди сам: мы ведь с тобой уже делили постель, я тебя без одежды видел — могу хоть сейчас проверить, ничего ли не изменилось. Что мне теперь делать со своей репутацией? Ты её безжалостно растоптал! Предупреждаю сразу: если ты откажешься быть со мной, я так и останусь один до конца своих

дней. Доживу свой век в горьком одиночестве!

— Врёшь ты всё... — пробормотал Лянь Уцзю, упрямо отворачиваясь. — У тебя ведь уже есть сын...

— Сын не в счёт. Настанет день, парень оперится и улетит из родного гнезда.

— Но... как же... — Лянь Уцзю почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Этот вопрос не давал ему покоя уже очень давно, но спросить напрямую он никак не решался. — Женщина, которая родила тебе Золотого Отрока?

Су Линцзюнь вздохнул:

— Да не было никакой женщины. В нашем мире так живут очень многие. Тебе достаточно предоставить генетический материал, подать заявку в специальное ведомство, и эмбрион вырастят в лаборатории. Я ведь говорил, что у нас всё устроено совсем не так, как ты привык, и на словах этого толком не объяснить. Но пойми одно: единственным человеком, с которым я хочу связать свою жизнь, всегда был и остаёшься только ты. Если прогонишь меня — что ж, так и умру бобылём.

— Ты... ты правда хочешь жениться на мне? — дрожащим голосом спросил Лянь Уцзю.

— Правда, — протяжно выдохнул Су Линцзюнь.

Лянь Уцзю глубоко вздохнул. Наступила долгая, звенящая тишина. Наконец, словно приняв судьбоносное решение, он решительно приподнялся на локтях, склонился над Су Линцзюнем и бережно коснулся его лица:

— Хорошо. Я согласен взять тебя в жёны!

С этими словами он звонко чмокнул совершенно ошарашенного Су Линцзюня в губы и тут же с головой зарылся под одеяло. Там он крепко, собственнически обнял своего ошарашенного спутника, укрывая его, словно величайшую драгоценность в мире. В эту минуту Лянь Уцзю чувствовал себя самым счастливым новоиспечённым мужем на свете, парящим где-то высоко в облаках...

В такую ночь уснуть было решительно невозможно.